

УДК 321.01

Тушков Александр Анатольевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Делиберативный принцип в теории и практике политической модернизации

Исследуются делиберативные принципы, присущие развитию современной демократии в контексте политической модернизации, когда политическая практика заставляет по-новому взглянуть на классическую теорию коммуникативного действия.

Ключевые слова и словосочетания: *делиберативная демократия, дискурс, коммуникативные действия, политическая модернизация, процедуры обсуждения, консенсус.*

Проблемы, присущие политической модернизации современной России, невозможно решить без углубленного изучения современной политической мысли. Особый интерес представляет исследование концепции делиберативной демократии (процедур демократического действия). Юрген Хабермас утверждает, что нет иной альтернативы общественного развития, нежели ее обновление и совершенствование [4. С. 268]. Нормативная модель делиберативной демократии опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы демократического взаимодействия. Для оценки политического процесса Ю. Хабермас использует понятие процедуры обсуждения и принятия политических решений как некий идеальный тип. При этом демократическая самоорганизация общества представляется им как процесс или как процедура формирования мнений и воли народа [11. С. 194 – 195].

Однако политическая практика заставляет нас по-новому взглянуть на классическую теорию коммуникативного действия. Данная проблема связывается с достижением консенсуса по поводу базовых ценностей, неотъемлемых прав и свобод человека, поддержанием культурных основ страны и традиций как предпосылок политической модернизации, где универсальными составляющими являются создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов, создание современного государства, обладающего суверенитетом, формирование правового государства, рост численности граждан, расширение включенности в политическую жизнь социальных групп и индивидов, возникновение и увеличение рациональной полити-

ческой бюрократии, ослабление традиционных элит и их легитимности, а также усиление модернизаторских элит.

По Хабермасу процесс стабилизации общества, установления общественного порядка осуществляется через действие индивидов, которое помогает им понять друг друга, т.е. координацию взаимодействия в процессе коммуникативного действия, где в основе лежит рассуждение (дискурс). А.В. Назарчук указывает: «Теория коммуникативного действия Хабермаса вывела, что рациональное возникает и развивается именно в сфере коммуникаций и процессы, происходящие в этой сфере, являются определяющими факторами общественного развития. Именно коммуникативный дискурс, по мнению Хабермаса, создает то пространство свободы, в котором индивиды на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами» [5. С. 43]. Поэтому взаимопонимание ведет к дискурсивно достигнутому, мотивированному соглашению индивидов, а дискурс служит для мотивировки проблематизированных значимых требований, выраженных во мнениях и нормах. Противником этого (основным источником самоотчуждения человека) являются отношения власти и господства, при этом различные формы господства почти полностью подчинили себе человека. Отношения господства выступают, в силу этого, искаженной, «неистинной» коммуникацией. Противопоставить неистинной коммуникации, по мнению Ю. Хабермаса, можно идею сознательного, свободного и осмысленного дискурса, характерного человеческой коммуникации. Только дискурс является целенаправленным процессом обсуждения общественностью своих идеалов, при этом основной его задачей является решение проблемы достижения общественного согласия – «консенсуса», т.е. того взаимопонимания, которое характеризует «естественное» общение людей в жизненном мире, не искаженном вторжением общественных систем [3. С. 357].

Ю. Хабермас предполагает, что консенсус будет достигаться в результате рациональной критики людьми указанных ценностей, которые выступают высшими принципами целеполагания, определяющими самую общую перспективу социальной деятельности. Такая критика способствует сознательной коррекции участниками дискурса высших ценностей в целях приведения их в соответствие с изменяющимися требованиями современных вызовов. Поэтому и нужен общественный дискурс, т.е. дискурс, в котором могли бы принимать участие все члены общества, в том числе власть и оппозиция. Тогда в процессе рационально организованного обсуждения, имеющего целью достижение консенсуса, можно преодолеть индивидуальный и групповой партикуляризм, разобщающий людей и мешающий их взаимопониманию. Ю. Хабермас, описывая коммуникативный консенсус, утверждает, что с достижением социального мира и переходом к норматив-

ным отношениям все социальные отношения принимают этический характер, т.е. он оценивает реальность с точки зрения ценностных ориентаций.

Через особые процедурные условия можно определить вид дискурсов, способных выполнять политическую функцию и конституировать политическое сообщество. Так, один из теоретиков делиберативной политики Й. Коген выдвигает несколько постулатов, требуемых делиберативных процедур. Это консультации, которые осуществляются в аргументированной форме, т.е. посредством упорядоченного обмена информацией между партиями. Они должны быть открытыми и публичными (чтобы никто не мог быть из них принципиально исключен), свободными от внешнего принуждения (за исключением принуждения «силой аргументов»), а также нацеленными на рационально мотивированное согласие (они могут продолжаться сколь угодно долго, не исключая при этом их временного прекращения путем решения большинства). Кроме того, политические консультации должны быть отнесены к вопросам, которые являются предметом совместного интереса всех, а также распространяться на интерпретацию потребностей и дополитических установок, не ограничиваясь пределами ценностного консенсуса, опирающегося на общую традицию и практику [1. С. 21 – 34].

В контексте своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас рассматривает и такую проблему, как соотношение государства и гражданского общества. При этом гражданское общество определяется им в качестве модели добровольных ассоциаций, образующих центры политической коммуникации. Здесь важно добавить, что как сфера интеракции коммуницирующих индивидов гражданское общество нуждается в дополнительном правовом обеспечении со стороны государственной власти. Данное обстоятельство было отмечено и отечественными учеными [6. С. 54]. Принципы и структура правового государства трактуются Ю. Хабермасом в качестве механизма институционализации политического дискурса. Между такими акторами дискурса, как государство (носитель государственной и политической власти), политические партии (в том числе различные ассоциации, организации и общественные объединения) и общество (гражданское общество), существует корреляционная связь, формируя основные структурно-функциональные узлы дискурса: государство – партия; общество – государство; партия – партия и партия – общество [4].

В условиях политической модернизации, когда усиливается политическая конкуренция и обостряется борьба между традиционными и модернизаторскими элитами, происходит значительное ослабление демократических механизмов и делиберативных принципов. Не случайно Гюнтер Дукс считает, что при разработке своей теории коммуникативного действия и Юрген Хабермас, и другие представители англоязычной

политической философии, разрабатывающие теорию демократии обсуждения, исходят не из «практической интеракции», а исследуют идеальные социальные системы: его теория построена на основе представлений и теоретических конструкций о том, каким является или должен быть «дискурс» в обществе. Если же исходить из политической практики и анализа «практической интеракции», то становится ясным следующее: «Вовсе не самоочевидно, что общественные порядки являются результатом действия, прошедшего через дискурс, как это представлено у Хабермаса относительно коммуникативного действия. Скорее следует ожидать обратного: в процессе построения общественных порядков определяющую роль играет тот тип действия, в структуре которого преследование частных интересов интегрируется со стремлением к коммуникативному пониманию. Способ этой интеграции чужд дискурсу» [8. С. 132].

Более того, существует явное противостояние между теми, кто отстаивает идеи обсуждения, и теми, кто стоит на позиции политики интересов. Данное противостояние зачастую трактуется как антагонизм между сторонниками нормативного подхода, отстаивающими идеалы и принципы демократии, и теми, кто описывает реальную политическую практику. Так, Н.А. Бусова отмечает, что Энн Филипс в работе «Политика присутствия» подчеркивает глубокое отвращение делиберативных демократов к политике, основанной на интересах», а также то, что «делиберативные демократы кажутся обитателями мира романтических мечтаний, и, когда они обращаются к предположительно общим заботам, которые должны выйти за пределы политики фракций, они вызывают законную критику за недооценку подлинных конфликтов интересов» [14. Р. 146].

Энн Филипс поддерживает и Бент Фливерберг, который дает сходную оценку дискурсивной теории демократии Ю. Хабермаса: «Идеи Хабермаса разработаны как идеалы политики, но слабы в понимании реальных ее процессов» [9. С. 130]. Противоречие идеала и реальности проявляется в том, что «в реальной социально-политической жизни корысть и конфликт не уступят место некоему общинному идеалу Хабермаса. Более того, чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам определять собственные способы жизни и легитимирует конфликт интересов между ними. Политический консенсус никогда не сложится путем нейтрализации групповых обязательств, пристрастий и интересов» [10. С. 134].

На этих позициях стоит Н.А. Бусова. Хотя она и признает, что часть обвинений в идеализированности теории демократии Хабермаса порождены ошибочным выделением консенсуса как центрального понятия этой концепции и неверным истолкованием самого консенсуса. Рационально обоснованный консенсус участников обсуждения является критерием легитимности политического решения, касается ли оно правовых норм или коллективных целей и программ действия [2. С. 44 – 45]. Однако, по Ха-

бермасу, далеко не всегда обсуждение может привести к консенсусу, тогда решение достигается на основе компромисса или своеобразного «торга»: «В современном обществе растет объем проблем, которые требуют регулирования и касаются лишь частных интересов, поэтому разрешение их направлено на достижение компромиссов, а не на консенсус, который достигается дискурсивно». Более того, он утверждает, что «компромиссы в любом случае составляют основную часть процессов принятия политических решений», а «интересы и ценности, которые конфликтуют друг с другом без перспективы достижения консенсуса, должны быть уравновешены таким способом, который недостижим с помощью этических дискурсов» [13. Р. 282 – 283].

Служит ли данное положение Ю. Хабермаса неким оправданием или допущением иной точки зрения, нежели утверждаемое им ранее? Если принять во внимание, что в реальных демократических обществах далеко не все политические решения являются результатом консенсуса, то такой подход мы можем вправе назвать не консенсусной теорией демократии, а дискурсивной или делиберативной, делая акцент на процедуре обсуждения. Как правильно подчеркивает Н.А. Бусова, не все проблемы могут быть разрешены на основе консенсуса. Кроме того, достижение консенсуса требует порой очень долгого обсуждения, а все ветви власти находятся под прессом необходимости принять решение в течение определенного времени. Если консенсус не достигнут, то процессы обсуждения, например, в таком органе, как парламент, заканчиваются голосованием с использованием правила большинства [2. С. 45]. Но это не исключает различия между делиберативными формами коллективного выбора и простым собиранием независимо сформировавшихся предпочтений индивидов. Результаты голосования в первом и во втором случае, очевидно, будут различаться ввиду того, что обсуждение приводит к трансформации первоначальных предпочтений участников. Правило большинства не является способом достижения консенсуса, предполагающего согласие всех участников обсуждения. Особенно в условиях политической модернизации, когда сохраняется напряжение между демократией обсуждения и политикой интересов¹ (ввиду разных подходов традиционных и модернизаторских элит к пониманию и трактовке сути демократических процессов) [2. С. 26]. При этом невоз-

¹ По мнению Н.А. Бусовой, термин «политика интересов» не является обозначением некоего единого течения в политической философии. Указанный подход к политике может быть присущ как теориям, отрицающим демократию западного образца (марксизм), так и концепциям, обосновывающим ее (либеральная демократия). Его могут придерживаться и сторонники реформирования современной западной политической системы (феминистская критика либеральной демократии). В данном случае политика интересов рассматривается в ее противостоянии делиберативной политике на примере либеральной модели демократии.

можно использовать консенсусное решение по всем политическим вопросам. В данном случае политика интересов означает подход к политике как борьбе стратегически действующих групп за удержание или приобретение позиций власти (власть и оппозиция) с целью утверждения своих интересов. Эти интересы и ценностные ориентации должны быть уравновешены, причем баланс интересов достигается нахождением компромисса между оппозиционными партиями и партиями, опирающимися на потенциал власти и властных санкций.

Мы считаем, что в контексте политической модернизации определение институциональных предпосылок делиберативного принятия решений имеет особое значение. Это условия и структуры, которые при относительно политически релевантных вопросах делают дискурс возможным. Делиберативный принцип предполагает, что все индивиды, кого может затронуть предполагаемое решение, должны иметь равные шансы участвовать в обсуждении общественно значимых проблем. При этом и коммуникативные процедуры предполагают, что каждый должен иметь равную возможность артикуляции. Основным условием соблюдения делиберативного принципа выступает правило, при котором всякие формы принуждения, связанные с неравным распределением власти и ресурсов, должны быть полностью исключены. Такой дискурс равных индивидов является основанием легитимности правовых институтов и норм демократического общества. Данные институты и нормы – легитимны, поскольку они устанавливают систему свободного коммуникативного обсуждения – нормативного дискурса.

Это суждение дает право утверждать, что делиберативному (дискурсивному) понятию демократии соответствует модель децентрализованного общества, где достигнута более высокая ступень интерсубъективности процессов взаимопонимания, которые осуществляются, с одной стороны, в институционализированной форме совещаний парламентского корпуса, а с другой – в сети коммуникации политической общественности [9. С. 229]. Наиболее благоприятным условием для формирования нормативного дискурса Ю. Хабермас считает «условия публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [11. С. 76]. Это структурное описание демократического процесса определяет форму нормативной концептуализации государства и общества как исключительно публичное, нормативно-правовое администрирование. Исходя из этого, мы можем с уверенностью говорить, что данное условие является ключевым фактором дальнейшего развития политической модернизации.

Обеспечение прав граждан и разделение властей, ограничение законами административного аппарата – это не что иное, как форма развития политических модернизационных процессов. Все это нормативные меры, посредством которых демократически сформированная воля индивидов дисциплини-

рует государственную власть и определяет демократические процедуры. При политической конкуренции политических партий, с одной стороны, правительства и оппозиции – с другой, возможен учет общественных интересов и ценностей. Подобное понимание политики дает возможность отказаться от представлений об общественной сфере как дееспособной совокупности индивидов. Оно ориентировано на выход успешного баланса интересов государства и общества. Осуществление делиберативной политики в период модернизации зависит не от коллективно дееспособной совокупности граждан, а от институционализации демократических процедур, где дискурс, будучи формой коммуникативного действия, отходит на второй план. В результате делиберативной политики сформированное в процессе политической коммуникации общественное мнение должно трансформироваться посредством выборов в институционализированные решения и законодательные постановления, за счет которых коммуникативно созданная власть становится административно применяемой властью. В этих условиях последовательно проводимый гражданами политический дискурс приобретает характер обязательной силы в отношении способа осуществления политического господства. Административная власть, таким образом, может осуществляться только на основе публичности и абсолютной прозрачности для общественного контроля и в рамках законов, создаваемых в процессе социальной коммуникации граждан [9. С. 229].

Институционализированное формирование мнения, организованное в качестве законодательной ветви власти, не может заменить неограниченный дискурс как источник легитимности права. Индивиды артикулируют свои потребности и отстаивают свои права исходя из личного опыта, а депутаты и представители политической власти могут менять политические аттитюды в условиях трансформации политической системы, хотя граждане делегировали им право выражать свои предпочтения, а не изменять их. Право принять или не принять какой-либо аргумент как рационально обоснованный нельзя передать другому. Законодательная власть должна руководствоваться критериями легитимности, ее дискурс – это дискурс обоснования норм, проверки того, насколько обсуждаемая норма учитывает интересы всех, кого она затрагивает. А природа исполнительной власти такова, что она руководствуется критериями эффективности, а не критериями легитимности. Поэтому доминирование исполнительной власти ведет к подмене легитимности эффективностью [2. С. 52].

В этих условиях лишь взаимодействие законодателей и общественной сферы является основой демократического происхождения закона, что коренным образом меняет характер коммуникативных процедур. Только при условии этого взаимодействия все члены сообщества имеют возможность принять участие в дискурсе. Выразителями неформально складывающегося общественного мнения выступают гражданское общество,

а также общественные организации, ассоциации и объединения. В структуре политической системы общественная сфера функционально тесно связана со сферой частной жизни, где уже на первом этапе проявляется регулятивная деятельность государственного аппарата. Переживаемая в личном опыте индивидов их неудовлетворенность (фрустрация) общественно-политической сферой вначале артикулируется в частной сфере. Общественная сфера, в которой немаловажную роль играет оппозиция (с явно и латентно выраженными депривационными настроениями), ввиду неформализованного характера не отделена жесткой гранью от частной сферы и поэтому обладает большей чуткостью, чем институционализируемая политическая система, к новым социальным проблемам, связанным с политическими модернизационными процессами. Она, фокусируя их, занимает активную артикуляционную позицию для активизации агрегативных качеств законодательного органа.

Так, начало политических модернизационных процессов в России за последний год инициировалось не представителями государственного аппарата, а общественностью, в том числе системной и не системной оппозицией. В стране, где политическая культура вбирает в себя этатизм и глубоко укоренившиеся автократические традиции, курс современной политической власти на административное укрепление государственности и централизованных рычагов управления не может не сопровождаться усилением авторитарных тенденций. В амбивалентной политической системе сложился властный режим с неразвитым гражданским обществом, который может быть охарактеризован как разновидность «мягкого авторитаризма». Суть этого феномена выражается следующими отличительными чертами: концентрация властных полномочий в определении политического курса в руках узкого круга корпоративно организованной правящей (традиционной) элиты с ее ярко выраженными клановыми и эгоистическими интересами; предоставление относительной свободы деятельности для граждан (если она не посягает на монополию власти в принятии политических решений) и отсутствие консолидированной модернизаторской элиты.

В этих условиях общественная сфера, обладающая определенными процедурами демократического действия, как резонатор проблем, с которыми должна иметь дело политическая система, в силу своих структурных, функциональных и организационных ограничений не в состоянии решать назревшие проблемы политической модернизации. Не обладая законодательной функцией, а используя лишь коммуникативные процедуры делиберативной политики, общественное мнение указывает только на конкретные направления использования политической власти. Ключевым моментом является то, что общественная сфера может выполнять свою роль лишь в том случае, если она не подавляется, не искажается воздействиями власти (политической, административной или экономической). Развитие общественной сферы можно стимулировать или затормозить, но ее нельзя

создать методами правового регулирования или политического управления. В конечном счете, легитимность права зависит от ненарушенных форм общественной коммуникации – таков вывод дискурсивной или делиберативной теории [2. С. 52].

1. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс / Т.А. Алексеева // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 21 – 34.
2. Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов / Н.А. Бусова // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 44 – 54.
3. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: от М. Вебера к Ю. Хабермасу / Ю.Н. Давыдов. – М., 1994. – С. 357.
4. Замошина Д.С. Делиберативный принцип в политической практике России (2000 – 2008 гг.) / Д.С. Замошина // Материалы междунар. молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / отв. ред. А.В. Андреев и др. – М.: Макс-пресс, 2012.
5. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад – Россия – Восток: Кн. 4. Философия XX в. / Н.В. Мотрошилова. – М., 1999. – С. 268.
6. Назарчук А.В. От классической критической теории – к теории коммуникативного действия: Смена парадигмы в социальной теории / А.В. Назарчук // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. «Философия». – 1993. – №4. – С. 43.
7. Посконин В.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии / В.В. Посконин, О.В. Посконина // Вестн. Удмурт. ун-та: правоведение. – 2007. – № 6. – С. 54.
8. Современная западная теоретическая социология: реф. сб. / под ред. Н.Л. Поляковой. – М.: ИНИОН, 1992. Вып. 1: Юрген Хабермас. – С. 132.
9. Углов Д.В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза / Д.В. Углов // Вестн. ВГУ. Сер. «Философия». – 2009. – № 2. – С. 229.
10. Флиивберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Флиивберг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 130, 134.
11. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – С. 76.
12. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – С. 194 – 195.
13. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, 1996. – P. 282 – 283.
14. Phillips A. The Politics of Presence / A. Phillips. – Oxford, 1995. – P. 146.